

Танкер «Дербент»: Командиры - 4

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Командиры -4 4.

Итээры завода устраивали вечеринку. Басов вернулся домой поздно и едва успел переодеться. Второпях нацепил он на шею яркий галстук бабочкой, второпях же для этой вечеринки купленный. Он чувствовал, что галстук не совсем хорош, но ему было все равно. Проходя мимо подъезда гостиницы, он на секунду остановился у зеркала, и не по себе ему стало. Костюм его оказался нелеп и безвкусен, но он тут же выпил пива в киоске и развеселился. На Морской купил огромный цветок и воткнул его себе в петлицу.

Бронников встретился у входа. Он удивленно оглядел Басова, но ничего не сказал. Бронников был в высоких сапогах и спортивном костюме, белый воротничок красиво оттенял его юношески стройную шею.

В комнатах было много народа, пахло духами и съестным. Нейман, с выражением скуки теребя свою бороду, сидел у стола. Басов подумал, что хорошо бы воспользоваться случаем и еще раз заговорить о предложении Эйбата.

Девушка в белом платье расставляла на столе посуду. Выпрямившись, она отбросила волосы быстрым движением головы. Лицо ее показалось знакомым Басову. Он подошел к ней, протянул руку, и она назвала себя – Белецкая. Он понял, что никогда не видел ее раньше.

Он как-то забыл вдруг о Неймане и о предложении Эйбата. Сел у стены, чтобы глядеть на нее сбоку. Машинально тронув подбородок, он наткнулся на галстук-бабочку и испуганно отдернул от него руку.

Еще до техникума, плавая машинистом, он наклеил на крышку своего сундука маленький, из газеты вырезанный портрет. Может быть, то была актриса или какая-нибудь кинозвезда. Ребята в

кубрике написали под фотографией похабна слово, и он набросился на них, словно был влюблен в эту женщину. Потом фотография намокла во время шторма, и ее пришлось выбросить...

Когда девушка в белом наклоняла голову, она походила на ту, с фотографии. Впрочем, сходство было не в чертах ее лица, а, казалось, в самом его ощущении. Он не спускал с нее глаз, и она покосилась в его сторону, и спокойные брови ее шевельнулись. Бронников потянулся через стол и взял ее руку. Она вырвала руку и засмеялась. Нейман, обращаясь к ней, звал ее просто Мусей. Басов испытывал к Бронникову и Нейману неприязнь.

Когда все встали и пошли к столу, он машинально двинулся за ее белым платьем, но по правую руку от Муси сел Нейман, по левую – Бронников. Нейман, задумчиво пожевывая губами, налил себе водки. Бронников склонился к Мусе и зашептал. Под столом громко скрипели его высокие сапоги.

Вечеринка была самая обыкновенная. Сначала были тихие разговоры и стук посуды, но понемногу все заговорили громко и перестали слушать друг друга. Женщины отказывались от вина, их уговаривали.

Нейман медленно выпивал рюмку и, положив подбородок на широкую ладонь, сочувственно и нежно рассматривал говоривших. Бронников, закинув руку за спинку Мусинога стула, как бы обнимал ее. Она с любопытством, плохо слушая Бронникова, оглядывалась вокруг, потом вдруг с улыбкой оборачивалась к Бронникову, как бы извиняясь за свое невнимание. Басову казалось, что они сидят слишком близко друг к другу и что под столом колени их непременно соприкасаются. Сам он пил машинально много, быстро пьянел и все глядел на нее. Муся взглянула на него пристально и твердо, словно приказывая не смотреть. Он отвернулся.

Почему-то все поднялись и стали чокаться. Тогда он быстро вышел в другую комнату, где было полутемно, нащупал завязку галстука и рванул ее с яростным наслаждением. Пуговица отскочила и покатилась по полу. Он вытащил из петлицы цветок и смял его в кулаке. У него кружилась голова и горечь подступала к горлу. Успокаивая себя, он подумал, что через шесть часов

будет на заводе. Надо зайти в партком насчет предложения Эйбата. Но эта мысль, вызванная насильственно, не принесла ему облегчения и растаяла. В соседней комнате была девушка Муся, у нее быстрые неласковые глаза, белая кожа и сильные плечи физкультурницы. Бронников нагибался к ней, и об этом больно было вспоминать.

Когда он вернулся в общую комнату, за столом остался только Нейман. Танцующие пары кружились по комнате. Конструкторы Бейзас и Медведев затеяли брудершафт и громко кричали. Они давно были со всеми на «ты», просто им хотелось целоваться. Муся спокойно клала им руки на плечи, и они целовали ее. Она взглянула на Басова и усмехнулась – ничего не поделаешь, так полагается. Он медленно кружил по комнате, чтобы быть поближе к белому платью. Как-то они очутились рядом на подоконнике. Мусины глаза ярко блестели из под ресниц.

– Вот вы какой, Басов, – сказала она негромко. – Мне рассказывал о вас Яша Нейман. Яша редко кого хвалит. Он говорит, что вы изумительный работник. Только я вас совсем иначе себе представляла.

Басов сказал с усилием:

– Не знаю, что имел в виду Нейман. Я обыкновенный механик – такой, как Бронников.

Муся покачала головой.

– Нет, Яшка знает. Он очень грубый, Яшка Нейман, но я с ним дружна... А почему вы так смотрели на меня за столом? Мне было неловко.

Было жарко, она, наверное, была немного пьяна и говорила медленно, словно изнемогая.

– Я работаю на радиостанции пароходства. Собственно, мы ведь тоже моряки, только служба связи. Говорят, нас оденут в морскую форму. Пойдет мне форма, как вы думаете? Ну, расскажите мне о себе!

– Не знаю, что и рассказывать, – сказал Басов, – правда, я самый обыкновенный человек. Но у нас есть чудесные ребята. Вот, например, Закирия Эйбат, азербайджанец...

Ему было очень интересно ей рассказывать. Она слушала, склонив немного набок голову, и вдруг по-детски всплеснула руками:

– У тебя рубаха рваная, с мясом пуговица вырвана. Эх ты-ы... – И она тронула руками его шею. Руки были сухие, горячие, и он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть ее. Она сказала ему «ты», конечно, незаметно для себя...

– Я целый вечер смотрел на тебя, – сказал он тихо, – и боялся подойти. Со мной это впервые, честное слово.

– Правда? Ну, а я себе сказала: он подойдет.

И нарочно села сюда одна, чтобы так вышло.

Он задернул портьеру, стараясь сделать это незаметно. Муся шепнула: «Увидят». Они остались одни в полутьме. В окно падал желтыми пятнами свет уличных фонарей. Ему удалось поцеловать ее в губы, но она сейчас же отодвинулась.

– Нейман много рассказывал о заводе, – сказала она, – и я тебя представляла солидным, каким-то производственным маньяком. А ты вон какой. Сразу лезешь целоваться.

Он предложил проводить ее. Муся покачала головой.

– Не надо, – сказала она, – завтра приходи на радио. Я сменяюсь ночью, в двенадцать.

На минуту у него упало сердце. Она не теряла головы и, даже прижимаясь к нему, не забывала поправлять платье, чтоб оно не мялось. Выйдя из-за портьеры, она точно перестала думать о нем. У вешалки ее окружили конструкторы, наперебой помогая ей одеваться. Она даже не оглянулась на прощание.

Басов прошатался по набережной до света. С моря дул ледяной ветер, и лицо его горело. Белецкая оказалась скверной девчонкой – он заинтересовал ее на минуту, вот и все. Но когда он вспоминал о ней, его охватывала нежность. Она держалась со всеми простодушно и по-товарищески просто. Вокруг нее слишком уж вертелись ребята. Вероятно, потом говорили о ней гадости и разбирали ее наружность. На другой день на заводе он сторонился участников вечеринки, боясь, что кто-нибудь заговорит с ним о ней.

На радиостанцию попал он после долгого блуждания в темноте по пустырям. Радиомачты исчезали в черном небе, и вверху, как звезды, мигали желтые огни. Часовой выскочил из будки и щелкнул затвором. Басов остановился у ограды, подставляя спину ветру. Прошло полчаса. Он стоял не двигаясь, и руки его

закоченели.

Муся оказалась в освещенном подъезде. У него замерло сердце – наверное, она забыла. Они двигались навстречу друг другу, как случайные прохожие, и встретились молча. Кругом было пусто, часовой ушел с головой в тупик. Муся закинула Басову руки за шею и отвернула воротник. Стоя на пустыре у колючей проволоки, они обнялись так крепко, словно им предстояло расстаться навеки.

– Я убедилась, что ты не придешь, – сказала Муся, отстранившись и задышавшись немного, – я так всегда делаю, когда очень хочу чего-нибудь, чтобы потом душа не болела.

Она потянула его за руку. Вокруг них поясом расположились огни, и дорогу к морю указывали тоненькие свистки буксиров. Басов сказал:

– Зачем ты так думала? Я тебя люблю. Не видишь разве?

– За один-то день, Саша? – усмехнулась она укоризненно. – Нет, так не бывает.

– Значит, бывает, раз я говорю! Теперь мы вместе, и мне так хорошо. Слушай меня: я думаю, нам надо расписаться.

Муся смеялась.

– Ты точно командир: ать, два, левой!.. Сейчас и расписаться! А мы и не говорили с тобой порядком.

Она в темноте чутко находила дорогу и опиралась на его руку, чтобы быть к нему ближе. А он не разбирал дороги и жадно искал ее руку и мешал ей идти.

– Из-за тебя я сегодня на заводе был как больной, – сказал он, – говорят, это бывает раз в жизни.

На набережной они остановились у каменных перил. Ветер встряхивал голые ветки акации. Торопливые волны бежали с рейда, разбиваясь о сваи купальни. Внизу черная, как деготь, вода фыркала, взбираясь на каменную стенку. Муся поправила шапочку, глаза ее ярко блестели. Он обнял ее, как только она подняла руки. Но она освободилась и потянула его на скамью. Неожиданно она заговорила о заводе.

– У тебя большие способности, Саша, – сказала она, – Нейман очень ценит тебя. Но сейчас он тобой недоволен, я знаю. Он говорит, что ты всюду находишь недостатки и берешься их

исправлять. Это раздражает людей, и потом... ты отстаиваешь глупое предложение Эйбата и идешь против всех. Может быть, я что-нибудь путаю, но мне обидно, что ты такой простой и честный, а тебя считают чуть ли не интриганом... Нейман говорил... – Муся, давай бросим об этом, – сказал он уныло, – все это совсем не так. Ты не знаешь, Муся...

Она молча наклонила голову и чертила каблучком по песку. В этом молчании между ними проползло что-то мутное, и радость его померкла.

– Может быть, тебе лучше работать спокойно, как все, – сказала Муся простодушно, – ты можешь выйти в большие люди. Я вот способная, но из меня ничего не вышло, вероятно потому, что у меня нет честолюбия. Но для тебя я могла бы пожелать многого. Тебе следует работать, как все, но... лучше всех!

Басов слушал и гладил ее руку. Ее слова казались ему странными, он едва понимал их смысл. Она отнимала руку, стараясь сосредоточить его внимание на своих словах. Его охватило нетерпение, и он сказал, почти не думая:

– Я постараюсь поставить все на место. Не думай об этом. Я тебя люблю.

Тогда Муся повеселела и позволила обнять себя.

– Милый мой, – сказала она нежно, – ну, говори, как жить будем.

Время от времени на заводе происходили свадьбы. На свадьбах Басов играл на гармонии и наблюдал за новобрачными. Казалось, пары нарочно обрекали себя на неудобства, чтобы коллектив мог часок повеселиться. Бывало, что после женитьбы парень становился равнодушен ко всему и исчезал сразу после гудка. Это было противно. И Басов не жалел, что у него все сложилось иначе.

Муся пришла к нему после вахты. Она принесла с собой сундучок с вещами и ворох платьев. Была она очень тиха и спокойна, и Басов, глядя на нее, удивлялся, как все скоро и просто кончилось. Муся начала с того, что подмела пол. Она подоткнула подол, совсем как уборщицы на заводе, и вымела из-под стола окурки. Она смахнула с потолка паутину и повесила занавеску на

окно.

Басов смотрел на ее разутые ноги, такие же маленькие и крепкие, как кисти ее рук. Его истомило ожидание в ветреные ночи у моря. Он сделался робким и смотрел на нее благодарными глазами. Таким же оставался все первые дни их совместной жизни, и Муся была довольна.

– У тебя хороший характер, командир, – говорила она, – мне кажется, что я знаю тебя с детства.

Басов старался возвращаться с завода пораньше, и они ходили гулять. В кино он едва смотрел на экран – ему нравилось наблюдать ее сбоку. Она сидела очень прямо, широко открыв глаза, и в них отражались беглые лучи экрана. Он думал о том, что эта милая жизнерадостная женщина теперь самый близкий ему человек, но он не может рассказать ей о своей вечной неудовлетворенности и о своих наблюдениях на заводе, потому что она хочет жить, как все, и беззаветно верит в авторитеты. И все-таки с ней было хорошо, и он не чувствовал больше, как уходят минуты.

Иногда приходили гости. Это были Мусины сослуживцы или знакомые по общежитию. Муся надевала белое платье, и что-то менялось в ней, точно умывалась она росной водой. Он наблюдал за нею украдкой, и ему становилось грустно.

– Мне хочется подурачиться сегодня, – шептала она на ухо Басову, – уж ты потерпи, милый.

Приходил Истомин, инженер службы связи. От него пахло духами, и на гладко причесанных волосах его покоились пятна света. Он был важен и начинал говорить только тогда, когда все замолкали. Муся подмигивала девочкам и, проходя мимо, задевала его протянутые ноги.

– Подвиньтесь, – говорила она бесцеремонно, – пройти нельзя. Сядьте в сторонку.

Она звала его просто Жоржем и не обращала внимания, когда он обиженно пожимал плечами. Басов пил чай и пускал кольца дыма.

– Муська, – говорил он благодушно, – зачем обижаешь человека?

Он чувствовал себя хорошо, когда кругом веселились. Для этого стоило потерять вечер. Охотно сыграл бы он на гармонии, но Муся не выносила этого инструмента. «Балаганная музыка», – говорила

она. Зато Истомин хорошо играл на гитаре, – бойко пощипывал струны, оставив розовый мизинец. При этом он перекатывал папиросу в угол рта и пристально разглядывал Мусю. Девицы подпевали. Простоватая Лиза Звонникова шептала Мусе:

– Гляди, окрутила парня. Совсем поглупел и смотрит как факир. Я вот Сашке скажу!

Она фыркала и пряталась за Мусину спину.

– Дура, – смеялась Муся. – Ох, какая дура!

Истомин прихлебывал из стакана и спокойно разглядывал девушек. «Я здесь случайно, – казалось, утверждал его взгляд, – сейчас вот встану и уйду». Он терпеливо ждал, когда наступит молчание.

– Странные минуты бывают в жизни, – говорил он внушительно. – Сегодня я шел по улице, впереди шагах в десяти шла женщина. Стройная, легкая такая походка. Мне показалось... Я был даже уверен, что это... словом, одна особа, о которой я думал в ту минуту.

Я окликнул ее, и она обернулась. Представьте – совершенно незнакомое лицо!

Девушки слушали, приоткрыв рты. Муся улыбалась безмятежно.

– Вы все это сейчас выдумали, сознайтесь!

Басов следил за разговором и изучал Истомина. Он припоминал, что Муся однажды сказала ему об Истомине: «В этом человеке мне нравится независимость. Он знает себе цену и не дает себя обойти».

Басов старался понять, что могло нравиться Мусе. Поразила одна из фраз Истомина: «Я никогда не доверяю женщинам. Женщина часто меняется, безумен – кто ей вверяется...»

«Черт знает, что должно это означать? Пошлость какая-то!.. Играл бы лучше на своей гитаре».

Когда он после вечеринки остался наедине с Мусей, ему захотелось рассеять неприятное впечатление. Она причесывалась перед зеркалом, и он видел ее отражение – бледное, усталое лицо, утратившее недавнее оживление.

– Болтовня да намеки, – говорил он дружелюбно, – этот парень говорит каким-то пошловатым языком. Не нашим языком он говорит, ей-богу! Тебе не надоело?

В зеркале потягивалось и сладко зевало отражение Муси.

– Он говорил по-русски, Саша. Разве у вас на заводе другой язык? – Она вздыхала, сбрасывая платье. – Что ты хочешь? С ним весело, и мне хотелось немного развлечься. Его не перевоспитаешь! Powestler